

УДК 343.265.22:343.13

Проблемы управления социальной реинтеграцией осужденных: национальный и международно-правовой аспект

Т.П. АФОНЧЕНКО

На основе изучения зарубежного опыта управления системой социальной реинтеграции осужденных на программном общегосударственном и местном уровнях ставится вопрос об эффективности подобной деятельности в национальной правовой системе и правоприменительной практике.

Ключевые слова: ресоциализация, программа исправления осужденного, социальное управление, компоненты реинтеграции, местное управление и самоуправление.

Based on the study of foreign experience of management of the system of social reintegration of convicts in the program national and local levels the question of the effectiveness of these activities in the national legal system and law enforcement is posed.

Keywords: socialization program fixes convict, social management, integration components, local government and self-government.

Введение. Подготовка к социальной реинтеграции в общество осужденных, отбывших наказание, в отечественной и международной практике ставится и рассматривается, как правило, в отношении лиц, осужденных к лишению свободы. В большинстве случаев именно осужденные, отбывшие наказание в виде лишения свободы, вынужденно сталкиваются со значительными социально-адаптационными проблемами: стигмация, неприятие и презрение со стороны окружающих (семьи и сообщества) и как следствие, последующее негативное воздействие на способность трудоустроиться, найти психологически комфортное место жительства, возвратиться к осуществляемому на систематической основе образованию, в том числе профессиональному, приобрести или восстановить индивидуальный и социальный капитал. Отсутствие поддержки в решении названных проблем ведет к замыканию цикла неудавшейся социальной интеграции и повторному совершению преступления.

Основная часть. Длительное пребывание в местах изоляции от общества значительно обостряет проблемы возвращения к жизнедеятельности в условиях свободы, делая осужденных небезопасными для общества при освобождении их без соответствующей подготовки, наблюдения либо поддержки.

На стратегическом уровне программное правовое и организационное обеспечение предупреждения преступности способно оказывать эффект при условии разработки системы мер, направленных на решение социальных проблем адаптации осужденных. Обязанности государства по защите основных прав, свобод и интересов личности и общества, в том числе от преступных посягательств, закреплены в Конституции Республики Беларусь [1] и ряде других нормативных правовых актов. Однако представляется очевидным тот факт, что государственная и общественная безопасность не может быть в полной мере гарантирована в ситуации, когда значительное количество преступлений совершается лицами, ранее сталкивавшимися с воздействием уголовно-правовых санкций, но не отказавшимися, тем не менее, от повторных преступных проявлений. Анализ уровня уголовно-правового (47 %) и криминологического (более 50 %) рецидива свидетельствует, что значительное количество осужденных в силу различных причин не смогли успешно интегрироваться в общество, и были вновь осуждены, в том числе к отбыванию наказания в виде лишения свободы. В структуре рецидива около 50 % приходится на долю пенитенциарного рецидива, то есть отбывшие наказание в виде лишения свободы совершают преступление в течение срока судимости [2]. Подобная проблема характерна не только для Республики Беларусь, но очевидна для многих государств, актуализируя серьезное переосмысление значимости и эффективности лишения свободы как одного из самых жестких вариантов карательной реакции на преступление. Колоссальные социальные издержки, значительное финансирование пенитенциарной системы, негативное влияние мест

изоляции от общества на популяризацию и распространение криминальной субкультуры существенно повышает значимость разработки и реализации программ социальной адаптации осужденных, освобождаемых от мер уголовно-правового воздействия.

В настоящее время нередко высказывается не лишнее оснований мнение, что исправление как привитие социально полезных качеств осужденному в условиях действующей уголовно-исполнительной системы носит ограниченный характер [3, с. 43], [4, с. 93], [5, с. 18–19]. Начиная с 80-х гг. XIX в. во многих государствах предпринимаются и реализуются (в различных формах и в разной степени) программы социальной реинтеграции осужденных, освобождённых из мест лишения свободы. Наличие достаточных государственных (прежде всего, финансовых) средств и мобилизуемые социальные организационные ресурсы создают предпосылки для системной правовой регламентации и эффективного управленческого воздействия на процесс социальной реинтеграции преступника, выступая существенным компонентом уголовно-исполнительной деятельности и уголовного судопроизводства. В государствах и обществах, характеризующихся малым и средним доходом, социальные программы реинтеграции сложнее воспринимаются населением и, соответственно, развиты слабее. Тем не менее, многие государства признают важность рассматриваемого фундаментального аспекта предупреждения преступности и продолжают направлять финансовые и социальные средства в развитие функции реинтеграции преступника, рассматривая ее как компонент системы правосудия [6]. В указанном аспекте Республика Беларусь не является исключением. Напротив, с точки зрения правовой институционализации построена достаточно хорошо сбалансированная и функционально ориентированная система поединститутах правового регулирования и форм реализации уголовной ответственности, позволяющая при должной организационной мобилизации имеющихся ресурсов государственных органов, учреждений и организаций, а также общественных объединений существенно повысить эффективность процесса социальной адаптации лиц, освобождаемых после отбывания наказания. Нельзя отрицать тот факт, что функция социальной реинтеграции является частью уголовного правосудия и его целью в отношении индивида, чьи основные жизненные установки, уверенность в себе, самоэффективность, взаимодействие с обществом были нарушены, а при отбывании длительных сроков лишения свободы – глубоко деформированы периодом изоляции от общества. Чем длительнее процесс заключения, тем более интенсивно протекают процессы самоидентификации с преступными ценностями и ослабления традиционных семейных и общественных отношений, эскалации конфликтного поведения, и как результат, возрастание трудностей при возвращении к сообществу. По мнению экспертов, момент начала реинтеграционного воздействия весьма важен и чем ранее он наступает, тем более эффективен в итоге весь процесс реинтеграции. Существует вариативная система практических инструментов, разработанных и применяемых Управлением ООН по наркотикам и преступности (UNODC), основное предназначение которых – помощь государствам с различным уровнем социального развития в актуализации и повышении эффективности реализации функций социальной реинтеграции преступников в системе уголовного судопроизводства [7].

В связи с вышеуказанным, с учетом имеющейся инфраструктуры органов и учреждений, вовлеченных в данный процесс, а также ограниченного ресурса инвестирования в программное обеспечение ресоциализации осужденных, пути разрешения проблем социальной адаптации лиц, отбывших уголовное наказание, целесообразно в первую очередь увязать с компонентом управления социальной реинтеграцией осужденных в общество. Управленческая деятельность в данной сфере должна стать неотъемлемой частью всесторонней стратегии предупреждения преступности и, что не менее важно, быть совместима с международными стандартами, рассматривающими успешную реинтеграцию преступников в общество как основную цель процесса уголовного судопроизводства.

Управление, на наш взгляд, должно осуществляться со стороны специально созданного уполномоченного органа по системе административно-координационного взаимодействия всех субъектов, вовлеченных в соответствии с действующим законодательством в процесс социальной адаптации осужденных, подвергшихся мерам уголовно-правового воздействия, и отвечать следующим требованиям: 1) процесс социальной адаптации осужденных целесооб-

разно осуществлять в период нахождения лица, отбывшего наказание, в режиме осуждения (судимости), и охватывать как период нахождения осужденного в исправительном учреждении, так и постпенальный период вплоть до погашения (снятия) судимости; 2) включать деятельность всей имеющейся инфраструктуры государственных органов и общественных организаций, которые в соответствии с действующим законодательством оказывают осужденным соответствующую поддержку; 3) процесс социальной адаптации осужденных должен осуществляться на плановой и программной основе с учетом криминологической характеристики контингента лиц, отбывающих наказание, в том числе лишения свободы, их ориентации на выбор места жительства, работы в определенном регионе, по определенной профессии с учетом социальных приоритетов, предпочтений и потребностей; 4) проводиться на преимущественно договорной основе с формированием блока оказываемой осужденному помощи и его обязательств по ориентации на правопослушное поведение и его подтверждение, то есть осуществляться на принципах пробации (испытания).

Пробация представляется наиболее приемлемой формой программного управления процессом социальной адаптации лиц в постпенальный период, в том числе освобожденных условно-досрочно, поскольку именно в данном случае происходит персонифицированная ориентация на сововлечение осужденного в процесс позитивной социальной реинтеграции в сообщество с учетом его заинтересованности и самоответственности за достигнутые результаты. Очевидно, что есть и будет определенная часть преступников, для которых криминальная субкультура их образа жизни не ориентирована на социальную реинтеграцию в общество на принципах добропорядочного поведения и правопорядка. Для данной категории осужденных должны предусматриваться стандартизированные меры по социальной адаптации и помощи, основанные на системе жесткого постпенального контроля, включающей принудительную трудозанятость и обеспечение минимальными социальными стандартами для проживания в условиях свободы. В рамках действующей концепции уголовной ответственности реализация данной задачи осуществляется посредством института превентивного надзора и, в определенной мере, профилактического наблюдения. Можно говорить лишь о системе более жесткого вмешательства в комплекс ограничений для таких лиц, направленной на предупреждение совершения новых преступлений и исключения криминализирующих факторов социального окружения.

В рассматриваемом ракурсе заслуживает внимания положительный опыт зарубежных государств в плоскости воздействия на осужденного после освобождения от наказания. В современном мире система мер социальной адаптации правонарушителей в постпенитенциарный период достаточно разнообразна. В соответствии с Уголовным кодексом Японии 1907 г. (с последующими изменениями) при совершении некоторых преступлений после отбытия наказания решением властей может быть назначен защитный надзор [8, с. 334]. Установление обязательного надзора при наличии закрепленных в законе условий предусматривает Уголовный кодекс Республики Польша 1997 г. (ст. 64, 73) [9, с. 26–27]. Меры, аналогичные превентивному надзору, содержит уголовное право Великобритании: в отношении лиц, освобождающихся из тюрем, применяется принудительный постпенитенциарный надзор, руководство которым осуществляет Центральная ассоциация постпенитенциарного надзора и должностные лица, работающие в области пробации [10, с. 382]. Уголовный кодекс Испании содержит ряд правоограничений, именуемых мерами безопасности: запрещение находиться и проживать в определенных местах либо возложение обязанности проживать в определенных местах, посещать места, где продаются спиртные напитки, лечение в медицинском заведении или социально-санитарном учреждении (ст. 165) [11, с. 51]. В США при назначении наказания в виде тюремного заключения суд может включить в качестве составной части приговора требование о том, чтобы осужденный после освобождения находился под надзором (1–5 лет). При осуждении за некоторые преступления данное требование является обязательным [12, с. 645]. Надзор предусматривает 20–30 контактов со специальными службами в течение месяца (то есть, фактически, ежедневно), возложение обязанностей возместить ущерб жертве, оплатить стоимость осуществляемого за осужденным контроля, выполнять определенные общественные работы, периодически проходить тестирование на наркотики и продолжать учебу (работу) на постоян-

ной основе [13, с. 237]. Интересно, что используются и достаточно неожиданные средства уменьшения преступных проявлений. Так, по инициативе общественной организации «Граждане за округ Колумбия без преступности» в Вашингтоне специалисты-йоги проводили групповые сеансы медитации в целях удержания от преступлений и конфликтов. В качестве выводов эксперимента утверждается, что технология трансцендентальной медитации приводит к уменьшению преступных проявлений, снижению социального стресса, укреплению позитивных тенденций в обществе [14, с. 11–12]. Достаточно эффективно с точки зрения возможности достижения целей ресоциализации осужденного сконструирован комплекс обязанностей в действующем Уголовном кодексе Швейцарии 1937 г. Закрепленный в ст. 47 Кодекса «охранительный надзор» прежде всего направлен на оказание осужденному «...помощи при устройстве в жизни на свободе... Охранительный надзор должен учитывать и то, что лица, склонные к рецидиву, вследствие злоупотребления алкоголем и наркотическими средствами, а также вследствие своего душевного или физического состояния, должны помещаться в соответствующее окружение и, если это нужно, находиться под наблюдением врача» [15, с. 23–24]. В Германии система постпенального контроля с целью реабилитации осужденного включает превентивное заключение и надзор за поведением [16, с. 152]. В то же время, Ю.В. Давыдов отмечает, что полиции Германии отведена достаточно узкая сфера деятельности – противодействие преступности и обеспечение безопасности дорожного движения. Профилактическая работа, выходящая за рамки этих направлений, передана на муниципальный уровень. По общему правилу, полиция действует, если не справляются муниципальные службы, исходя из приоритета невмешательства в частную жизнь граждан. Иными словами, полномочия полиции в сфере профилактики правонарушений ограничены и в основном сводятся к взаимодействию с коммунальными службами. По мнению названного автора, при таком подходе обществу оказывается более значительный объем доверия. Кроме того, подобный опыт организации профилактической работы имеет несомненную ценность в следующих аспектах: необходимости и возможности диверсификации полицейской профилактической функции; четкости концепции системы профилактики, отражающей актуальные проблемы, связанные с состоянием преступности и обеспечением безопасности граждан; гибкости структуры, изменяемой по мере появления новых проблем; организационной завершенности системы, выраженной в создании такого звена, как советы по профилактике преступлений в округах города, имеющие задачей объединение всех профилактических усилий на местах; последовательной постановки отдельной цели – повышения безопасности и усиления чувства защищенности граждан; новизны подходов, которые проявляются, в частности, в создании функциональных групп, работающих по проблемам обеспечения безопасности в спорте, домашнего насилия, градостроительной профилактики преступлений, формирования «гражданского мужества». Каждый субъект выполняет строго определенные функции, а координирует всю деятельность полиция, которая вправе давать поручения другим органам [17, с. 102–104]. В Китае направление в трудовые лагеря и центры по перевоспитанию молодежи рассматривается в качестве средства, имеющего целью «принятие превентивных мер исправительного воздействия на граждан, которые совершили правонарушения (административные), и данные о личности которых позволяют предположить, что они находятся на грани преступления» [18, с. 32–37], а также создано Бюро интеграции преступника с соответствующим аппаратом служащих. В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом Республики Казахстан [19], данная функция возлагается на местные исполнительные органы области, города республиканского значения, столицы, района, города областного значения, в составе которых образуются консультативно-совещательные органы по содействию деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового воздействия, а также организации социальной и иной помощи лицам, отбывшим уголовные наказания. Указанные консультативно-совещательные органы через службы пробации взаимодействуют с исправительными учреждениями и непосредственно с осужденными, которые после отбытия наказания ориентированы на соответствующий регион места жительства.

Изучение отечественного законодательства, действующего в сфере правового регулирования местного управления и самоуправления, показывает, что потенциал созданных на местном уровне структур в плоскости оказания помощи в ресоциализации, а также в наблюдении за поведением социопативно проявивших себя индивидов фактически используется не

в полной мере. Так, согласно положениям Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», полномочия по охране общественного порядка (совместно с правоохранительными органами), осуществлению деятельности по профилактике правонарушений и участию в борьбе с коррупцией, противодействию экстремизму, в том числе терроризму закреплены лишь за исполнительными и распорядительными органами на уровне местных администраций (ст. 41, 45) [20]. Советы депутатов, исполнительные комитеты областного, базового, первичного уровней, а также структуры, относящиеся к иным формам местного самоуправления (органы территориального общественного самоуправления и другие) в подобную деятельность, исходя из положений названного Закона, в настоящее время не вовлечены. На наш взгляд, возможность оказания положительного воздействия со стороны общественности на лиц, допускающих девиантное поведение, несколько недооценивается. Очевидно, что закрепление за органами местного самоуправления широких полномочий в сфере профилактики правонарушений и ресоциализации нецелесообразно, поскольку может привести к формализму. В то же время, внедрение рычагов воздействия на правонарушителя со стороны общественных формирований, в том числе по месту жительства, на наш взгляд, способно принести определенные положительные результаты, стимулировать формирование активной жизненной позиции и усилить чувство гражданской ответственности. В ряде случаев никто иной, как соседи наблюдают длительный дегенеративный процесс, завершающийся совершением преступления. Значительная нагрузка на представителей правоохранительных органов, в частности, участкового инспектора, не всегда дает возможность вовремя выявить и предпринять соответствующие меры, способные пресечь негативный процесс, что называется «в зародыше», на начальной его стадии, когда сознание того, что окружающим подобное асоциальное поведение небезразлично и может спровоцировать определенные меры общественного воздействия, еще способно остановить потенциального правонарушителя. С учетом того, что вмешательство в противоправное поведение и активная жизненная позиция является не обязанностью отдельного гражданина общества, а его правом, представляется нелогичным устанавливать в сфере местного самоуправления какие-либо императивные обязанности в плане воздействия на правонарушителей. Тем не менее, закрепить механизм реализации указанного права для тех, кто желает им воспользоваться, является весьма важным. На наш взгляд, в качестве подобных мер воздействия на местном уровне могут выступать представление либо коллективное обращение в правоохранительные органы о применении мер административного взыскания к правонарушителю (например, на основании протокола собрания граждан по месту жительства по вопросу нарушения общественного порядка и признания правонарушителем своей вины). Кроме того, в ст. 36 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» предусмотрена возможность проведения по решению местного собрания или органа территориального общественного самоуправления на соответствующей территории сбора средств на финансирование и (или) возмещение расходов местного бюджета на цели, определенные местным собранием или органом территориального общественного самоуправления (средства самообложения), то есть решение определенных финансовых вопросов. Представляется, что указанные органы территориального общественного самоуправления при расширении их полномочий могли бы также выносить решения о наложении материальных (денежных) взысканий в отношении граждан, проживающих на данной территории и нарушающих общественный порядок. Фактически органы территориального общественного самоуправления целесообразно наделить полномочиями рассмотрения административных правонарушений по аналогии с полномочиями в рассматриваемой сфере сельского, поселкового исполнительного комитета; административной комиссии районного (городского) исполнительного комитета или администрации района в городе; районной (городской), районной в городе комиссии по делам несовершеннолетних, которые также являются органами управления на местном уровне (ст. 3.1 ПИКоАП) [21].

В качестве мер воздействия может выступать также общественное порицание девиантного поведения, незаслуженно преданное забвению в силу формального отношения к последнему в советский период развития белорусской государственности. В условиях современного информационного пространства придание общественному порицанию публичности

позволит превентивно психологически воздействовать на правонарушителя, сведения о делинквентности которого приобретут общедоступный статус, а также снизит виктимность потенциальных жертв в силу осведомленности о предшествующем асоциальном поведении лица. В перспективе создание, в том числе на условиях возмездности, электронных общедоступных баз данных о лицах, совершивших определенные категории преступлений, в течение соответствующего судимости периода времени, способно оказать аналогичный эффект в масштабах государства и общества в целом, повышая уровень ответственности каждого за свое поведение. Доводы о тайне частной жизни как элементе неприкосновенности личности навряд ли можно признать корректными в плоскости гарантий обеспечения государством общественной безопасности и права каждого на достоверную информацию, которые также закреплены в Конституции Республики Беларусь (ст. 23, 34). Кроме того, чрезмерная «увлеченность» процессом обеспечения прав отдельного индивида отодвигает на второй план идею об изначально добровольном исполнении каждым возложенных на него гражданских обязанностей: соблюдение Конституции Республики Беларусь, ее законов, уважение национальных традиций, а также достоинства, прав, свобод, законных интересов других лиц (ст. 52, 53 Конституции). На наш взгляд, подобный прецедент уже создан в отечественном законодательстве. Так, согласно Закону Республики Беларусь «О коммерческой тайне», не могут составлять коммерческую тайну сведения о нарушениях законодательства и фактах привлечения к ответственности за совершение этих нарушений (ст. 6) [22]. Представляется, что в условиях информированности о наличии потенциальной опасности для окружающих ввиду тяжести совершенного преступления, рецидивных проявлений угроза причинения вреда существенно снижается. Интересно отметить, что первые шаги в данном направлении сделаны: на официальном Интернет-портале Государственной автоинспекции Брестской области в онлайн-режиме можно ознакомиться со сведениями о лицах, лишенных права управления транспортными средствами (в результате привлечения к ответственности либо по медицинским показаниям) [23].

Заключение. В качестве предложений отметим следующее:

1. В ходе совершенствования механизма общественного воздействия на правонарушителя соответствующие коррективы представляется целесообразным внести в Закон Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», закрепив за органами местного самоуправления различного уровня правомочия по воздействию на лиц, допускающих девиантное поведение, в форме подготовки представлений в правоохранительные органы о применении мер административного взыскания (на основании протокола собрания по месту жительства), расширив полномочия органов местного территориального самоуправления за счет права рассмотрения дел об административных правонарушениях граждан по месту их жительства, а также внедрив в качестве меры воздействия общественное порицание, в том числе публичное, с использованием на платной основе общедоступных электронных баз данных о лицах, совершивших правонарушения.

2. Правовой основой социальной адаптации осужденных должен быть Закон, который в комплексном виде синтезировал бы в единстве систему органов и общественных объединений, мер и процедур, мероприятий социально-адаптационного характера, осуществляемых на программно-плановой и целевой основе в формате уголовного правосудия в отношении осужденных (как в период реализации мер уголовно-правового воздействия в форме наказания либо иных мер ответственности, так и в постпенальный период). Данная функция должна осуществляться на договорной и профессионально-специализированной основе.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь (1994, 1919, 1927, 1937, 1978): принята на рэспуб. рэф. 24 лістапада 1996 года і 17 каст. 2004 года: афіц. тэкст. – Мінск : Маст. літ., 2014. – 294 с.
2. Статистические сведения о количестве лиц, совершивших преступление повторно, в Республике Беларусь // Государств. учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь». – 2015.

3. Комлев, Л. К осужденному по-человечески / Л. Комлев // Судовы весн. – 1993. – № 1. – С. 42.
4. Хомич, В.М. Правовая концепция реформирования уголовно-исполнительной системы / В.М. Хомич // Реформирование пенитенциарной системы: Материалы междунар. конф. – Минск: ФилСерв плюс, 1998. – 132 с.
5. Хомич, В.М. Реформа уголовно-исполнительной системы в Республике Беларусь / В.М. Хомич // Юстиция Беларуси. – 1998. – № 2. – С. 16–19.
6. Introductory Handbook on the Recidivism and Social Reintegration of Offenders / Criminal justice handbook series United Nations. – New York, 2012. – 160 p.
7. Criminal justice reform / Crime prevention and criminal justice // United Nations Office on Drugs and Crime [Electronic resource]. – Access mode : www.unodc.org/unodc/en/justice-and-prison-reform/index.html?ref=menuside. – Access date : 30.03.2016.
8. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англия, США, Франция, Германия, Япония): сб. законодат. материалов / Под ред. И.Д. Козочкина. – М. : Зерцало, 1999. – 352 с.
9. Уголовный кодекс Республики Польша: принят 6 июня 1997 г. : введ. в действ. 1 янв. 1998 г. – Минск : Тесей, 1998. – 128 с.
10. Полянский, Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии / Н.Н. Полянский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрид. лит., 1969. – 399 с.
11. Козочкин, И. Новый Уголовный кодекс Испании / И. Козочкин // Рос. юстиция. – 1996. – № 9. – С. 51–52.
12. Преступления. Свод законов США – титул 18 // США: Конституция и законодательные акты: пер. с англ. / Под ред. О.А. Жидкова. – М. : Прогресс; Универс, 1993. – С. 577–647.
13. Иншаков, С.М. Зарубежная криминология / С.М. Иншаков. – М. : ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 383 с.
14. Нетрадиционные формы борьбы с преступностью // Борьба с преступностью за рубежом. – 1993. – № 9. – С. 11–12.
15. Уголовный кодекс Швейцарии / Пер. с нем. – М. : Зерцало-М, 2001. – 138 с.
16. Нерсисян, А.А. Вопросы наказуемости в уголовном праве ФРГ и США / А.А. Нерсисян. – М. : Наука, 1992. – 248 с.
17. Давыдов, Ю.В. Организация работы муниципальных служб и полиции по профилактике преступлений в Германии / Ю.В. Давыдов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 4 (55). – С. 102–104.
18. Суд и пенитенциарная система в Китае // Борьба с преступностью за рубежом. – 1993. – № 7. – С. 32–37.
19. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан: 5 июля 2014 г. № 234-V: введен в действие с 1 янв. 2015 г. // Параграф: информационные системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577723. – Дата доступа : 10.04.2016 г.
20. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 4 января 2010 г., № 108-З // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – 2016. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа : 01.02.2016.
21. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях № 194-З [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь 1 декаб. 2006 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : http://etalonline.by/?type=text®num=Nk0600194#/?type=text®num=Nk0600194#load_text_none_1_. – Дата доступа : 01.02.2016.
22. О коммерческой тайне: Закон Республики Беларусь, 5 января 2013 г. № 16-З // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – 2016. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа : 01.02.2016.
23. Сведения о лицах, лишенных права управления транспортными средствами [Электронный ресурс] / Официальный Интернет-портал ГАИ Брестской области. – 2015. – Режим доступа : http://gaibrest.by/?page_id=410. – Дата доступа : 01.02.2016.